

Ю. В. Бромлей

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ОСОБЕННОСТЕЙ! КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ НА ПСИХИКУ *

Проведение дискуссии по статье А. Ф. Дашдамирова представляет- ся весьма актуальным уже потому, что в последнее время в нашей философской и исторической литературе подчас можно встретить прямое отрицание реальности психического склада этнических общностей, национального характера. Такого рода взгляды особенно отчетливо проступают применительно к этническим общностям классовых формаций.

Существование общего психического склада у этнических образований доклассовых формаций, обладающих однородной социальной структурой, обычно не вызывает сомнений.

Относительно же этнических общностей классовых, особенно капиталистических обществ, неоднократно высказывалась точка зрения, что представление о наличии у них общего психического склада или характера является фикцией. При этом делается ссылка на то, что признание, в этом случае общего психического склада противоречит ленинскому положению о двух культурах в каждой буржуазной национальной культуре.

Нельзя не согласиться с той неоспоримой истиной, что в буржуазном мире эксплуататоры и эксплуатируемые кардинально различаются не только по их месту в существующей системе общественного производства и социальному положению, по целям и идейным убеждениям, но и по своим морально-волевым качествам.

Представляется бесспорным, что в классовых обществах во всей чрезвычайной сложной иерархии устойчивых психических черт, образуемой одновременной принадлежностью одних и тех же людей к различным социальным общностям (нации, классу, профессиональным группам и т. д.), главенствует совокупность черт (психический склад), типичных для отдельных классов. Однако это не исключает определенной общности психических свойств и у других разновидностей социальных единиц. Ведь в каждом отдельном явлении могут быть черты, объединяющие его с различными группами явлений. В частности, в нашей литературе уже не раз отмечалось, что наличие двух культур внутри буржуазной нации не противоречит существованию в ее рамках определенной культурной общности (национальной культуры) *. Это же полностью относится и к психике. И ссылки на внутриклассовую психическую общность сами по себе не могут служить аргументом для полного отрицания какой-либо общности психических черт внутри буржуазных наций. Весьма показательно, что отдельные противники точки зрения об общности психического склада у буржуазных наций признают в конечном счете не только наличие у каждого из классов своей национально-классовой психологии, но и существование специфических психических черт у са-

* Начало дискуссии см.: «Сов. этнография», 1983, № 2.

¹ См., напр.: *Лгаев А. Г.* Социалистическая национальная культура. М.: Политиздат, 1974, с. 41; *Кулишенко М. И.* Расцвет и сближение наций в СССР. Проблемы теории и методологии. М: Мысль, 1981, с. 143—144; *Чебоксаров Н. Н.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.—Сов. этнография, 1967, № 4, с. 98; *Пименов В. В.* О некоторых закономерностях в развитии народной культуры.—Сов. этнография, 1967, № 2, с. 27; *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 47—78.

мих наций»². Очевидно, что отрицание в таком случае реальности категории «психический склад нации» касается не существа явления, а всего лишь терминологической стороны вопроса.

Судя по всему, есть достаточные основания считать, что относительно устойчивые особенности психики присущи этническим общностям не только первобытно-общинной и социалистической (коммунистической), но и рабовладельческой, феодальной и капиталистической формаций. Это обстоятельство и позволяет, на наш взгляд, говорить в целом как о психическом складе этнических общностей, так и об этническом характере, рассматривая соответственно национальный характер в качестве его стадийальной разновидности.

Отрицая национальный характер, общность психического склада у буржуазных наций, исследователи обычно сетуют на их неуловимость³. Это в значительной мере обусловлено трудностями, стоящими на пути изучения такого рода социально-психологических явлений, поскольку они проявляются преимущественно не в определенных видах культуры, а в самой деятельности, в поведении членов этноса. Однако обычно относительно быстрая смена, чередование действий и поступков существенно затрудняют их сравнение с аналогичными явлениями в других этносах, без чего, как мы знаем, вообще невозможно выявление этнической специфики. К тому же специфические черты психики далеко не всегда реализуются сразу, они обычно проявляются разновременно, разрозненно.

Тезис о неуловимости этнического характера, несомненно, связан со склонностью обыденного сознания к искажению его черт. Особенно существенна в связи с этим тенденция обыденного сознания к абсолютизации отдельных черт характера этнических общностей. Более того, подобная тенденция проникает подчас и в научные труды, приводя к стремлению обнаружить у того или иного народа черты характера, присущие ему одному⁴. Между тем для такой абсолютизации нет никаких оснований.

В действительности речь может идти лишь об относительной специфике черт национального характера, нюансах их проявления. В значительной мере именно поэтому столь не просто «замерить» и точно описать все оттенки подобных различий.

Разумеется, указанные трудности в выявлении отличительных особенностей психического склада отдельных этнических общностей не могут служить основанием для отрицания таких особенностей. Необходимо лишь усовершенствовать методы научного изучения данного компонента психики этнических общностей. Особенно важно при этом тесное сотрудничество психологов, этнографов, социологов, историков. Нельзя не отметить в данной связи, что в последнее время в ходе этносоциологических исследований у нас несколько продвинулось изучение проявления этнических особенностей в отдельных компонентах психики, отражающих ее направленность. В первую очередь это относится к такому компоненту национального (этнического) характера, весьма существенного для раскрытия его типичных черт, как ценностные ориентации⁵. В результате национальный характер постепенно перестает быть

² Калтахян С. Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М.: Изд-во МГУ, 1969, с. 143—144.

³ См., напр.: Рогачев П. М., Свердлин М. А. Нация — народ — человечество. М.: Политиздат, 1967, с. 32; Козлов В. И. Динамика численности народов. М.: Наука, 1969, с. 39; Козлов В. И., Шелепов Г. В. Национальный характер и проблемы его исследования. — Сов. этнография, 1973, № 2, с. 75—82.

⁴ Такой подход к вопросу уже не раз критиковался в нашей литературе (см.: Арутюнян С. М. Нация и ее психический склад. Краснодар, 1966, с. 172—174).

⁵ См., напр.: Дробижеева Л. М. Социально-культурные особенности личности и национальные установки. — Сов. этнография, 1971, № 3; Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М.: Наука, 1973; Сусококолов А. А. Непосредственное межэтническое общение и установки на межличностные контакты. — Сов. этнография, 1973, № 5; Дробижеева Л. М. Об изучении социально-психологических аспектов национальных отношений. — Сов. этнография, 1974, № 4; Клементьев Е. И. Национально-культурные ориентации казанского городского населения. — Сов. этнография, 1976, № 3; Старовойтова Г. В. К исследова-

«вещью в себе»⁶. Скептическая оценка познаваемости этнических особенностей психики, пожалуй, наиболее отчетливо проявляется при рассмотрении вопроса об их наличии в процессах мышления. В существующей литературе можно встретить совершенно противоположные мнения по этому поводу.

В частности, в литературе, наряду с уже отмечавшимся отрицанием этнических (национальных) особенностей психики в целом, в том числе и в сфере мышления, можно встретить и безоговорочное признание того, что особенности этноса проявляются и в процессе мышления⁷. С другой стороны, признание определенных этнокультурных особенностей психики нередко сочетается с подчеркиванием того факта, что процессы рассуждения и мышления у различных людей в разных культурах не отличаются друг от друга⁸.

В контексте рассматриваемой проблемы принципиальное значение, вероятно, имеет то немаловажное обстоятельство, что современная наука не располагает данными «об отсутствии у какой-либо культурной группы какого-либо важного познавательного процесса — абстракции, умозаключения, категоризации и т. п.». Этот вывод принадлежит авторам специального обзора психологической литературы по проблеме соотношения культуры и мышления⁹. Данная работа привлекает внимание не только тем, что она намечает задачи дальнейшего исследования проблемы, но и стремлением ее авторов подчеркнуть слабые стороны проделанных в этой области исследований. Такой весьма критический подход не помешал им вместе с тем признать, что хотя применительно к отдельным группам «нельзя говорить об абстрактном или конкретном мышлении в целом»¹⁰, тем не менее операции по классификации изменяются определенным образом под воздействием социокультурных факторов.

В качестве одного из свидетельств влияния социокультурных факторов на психофизиологическую природу человека подчас приводится следующий пример. Археологические данные и современные исследования позволяют с достаточной степенью вероятности утверждать, что на протяжении последних 10 000 лет число леворуких составляло в среднем 15% от всей популяции, что свидетельствует о доминантности левого полушария мозга. Однако в зависимости от условий социализации в той или иной социокультурной среде число леворуких может снижаться до 0. В отдельных культурах, где процесс социализации характеризуется терпимостью, как, например, у эскимосов, число леворуких приближается к вышеуказанной средней цифре. И наоборот, если процесс социализации носит жесткий и требовательный характер, как, например, у нигерийцев, то процент леворуких в таких культурах почти равен 0¹¹.

Один из наиболее дискуссионных аспектов интересующей нас проблемы относится к вопросу о влиянии на мышление таких теснейшим об-

нию этнопсихологии городских жителей (по материалам опроса трех городов Татарской АССР). Сов. этнография, 1976, № 3; Лрутюнян Ю. В. Этносоциальные аспекты интернационализации образа жизни.— Сов. этнография, 1979, № 2; Опыт этносоциологического исследования образа жизни. По материалам Молдавской ССР. М.: Наука, 1980; Дробизева Л. М. Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М.: Мысль, 1981.

⁶ Так, десять лет тому назад определили состояние изученности национального характера В. И. Козлов и Г. В. Шелепов (Козлов В. И., Шелепов Г. В. Национальный характер и проблемы его исследования.— Сов. этнография, 1973, № 2, с. 82).

⁷ Душков Б. Л. Актуальные проблемы этнической психологии.— Психологический журнал, 1981, т. 2, № 5, с. 47.

⁸ См., напр.: Cole M., Gay Y. Culture and Memory.— American Anthropologist, 1971, V. 74(5), p. 1066.

⁹ Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. Психологический очерк. М.: Прогресс, 1977, с. 236.

¹⁰ Там же, с. 146.

¹¹ См.: Dawson J. L. M. Ecology, Cultural Pressures Towards Conformity and Left-Handedness: A Bio-Local Psychological Approach.— In: Readings in Cross-Cultural Psychology/Ed. Darsson J. and Lonner W. I. Hong Kong: Univ. of M. K. Press, 1974, n. 124—149.

разом сопряженных с ним компонентов культуры, как язык и письменность. Специальные исследования дают основания предполагать, что фонетическая и иероглифическая письменность, например, на русском и китайском языках «основана на различных констелляциях мозговых зон»¹².

Интересные экспериментальные данные, касающиеся локализации в человеческом мозгу речевой деятельности, получены в последнее время японским ученым Т. Цунода¹³. В ходе эксперимента были обследованы представители нескольких этнических групп (европейских, азиатских и африканских). Полученные материалы показали, что у всех обследованных слог вызывали доминантность правого уха (соответственно левого полушария), чистые тона — левого уха (соответственно правого полушария). Однако относительно гласных обнаруживались межгрупповые различия. Если у представителей подавляющего большинства обследованных групп они вызывали доминантность левого уха (правого полушария), то у лиц, родным языком которых был японский и один из полинезийских (тонга, восточносамоанский и маори), — правого уха (левого полушария). Было выяснено, что такого рода различия в характере доминантности вызваны не генетическими факторами, а лингвистической и слуховой средой. В свете всего этого Т. Цунода пришел к выводу, что причина указанных выше различий заключается в общем для японского и полинезийского языков свойстве: присутствии в них большого количества слов, состоящих только из гласных, и слов, состоящих из двух или более гласных и согласных. «В этих богатых гласными языках сами гласные столь же важны в узнавании слов и предложений, как согласные. В результате гласные звуки обрабатываются в левом, или „речевом“, полушарии»¹⁴. Это, в свою очередь, позволило выдвинуть предположение, что у «японского типа» доминантности вместе с гласными в левом полушарии обрабатываются также звуки, связанные с эмоциями, «и эта левая доминантность укореняется по мере развития речевой способности»¹⁵.

Проблема влияния языка на мышление получила наиболее общее выражение в гипотезе Сепира-Уорфа. Постулируя обусловленность нашего мышления в широком значении данного слова характером нашего языка, Б. Уорф приходит к принципу лингвистической относительности. Этот принцип, по его словам, «гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем»¹⁶.

Абсолютизация данной концепции, как это уже справедливо отмечалось в литературе, неизбежно бы означала: все то, что мы воспринимаем и переживаем, в некотором смысле произвольно¹⁷. В то же время отсутствие в каком-нибудь языке тех или иных слов для определенных явлений не означает, что говорящие на этом языке люди неспособны выделять эти явления среди остальных.

В целом трудно согласиться с теми положениями гипотезы лингвистической относительности, которые имеют в виду жесткие ограничения, накладываемые языком на познавательные процессы. И все же вряд ли было бы осторожным полностью отрицать саму проблему влияния особенностей языков на мышление тех или иных народов.

Язык отнюдь не является полностью индифферентным средством оформления мыслей и их передачи. Ему принадлежит активная роль в процессе познания: с его помощью не только воспроизводится логическая, мысленная картина окружающей нас действительности, но он вносит в этот исключительно сложный процесс свои своеобразные коррек-

¹² Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека. М., 1962, с. 64—65.

¹³ См.: Барабан Г. Родной язык и мозг. Интересное открытие японского экспериментатора. — Курьер Юнеско, 1982, март, с. 10—13.

¹⁴ Там же, с. 11.

¹⁵ Там же, с. 12.

¹⁶ Новое в лингвистике. В. 7. М.—Л., 1975, с. 175; Ср.: Whorf B. Language, Thought, and Reality/Ed. and with Introduction by Carroll J. B. Cambridge, 1966, p. 214.

¹⁷ Именно это в значительной мере сближает гипотезу Сепира-Уорфа с неопозитивизмом. См.: Брутян Г. А. Гипотеза Сепира-Уорфа. Ереван: Буйс, 1968, с. 33—39.

тивы, оставляя свой отпечаток на познании¹⁸. В этой связи, на наш взгляд, заслуживает, в частности, внимания предположение, что наиболее верное решение вопроса о лексических различиях можно сформулировать следующим образом: языки отличаются друг от друга не столько тем, что на них можно выразить, сколько тем, что на них легче выразить⁴⁹.

С одной стороны, очевидна неправомерность утверждения, будто язык налагает жесткие ограничения на познавательные процессы, с другой — вряд ли можно отрицать сам факт его «фильтрующего» влияния на эти процессы. Вместе с тем многие аспекты такого влияния, видимо, все еще остаются недостаточно раскрытыми и задача их изучения с целью углубления наших представлений о реальных проявлениях этнических особенностей психики является весьма актуальной.

Проще вопрос о наличии этнической специфики в содержании обыденного сознания. Это прежде всего относится к так называемым «знаниям» — стереотипам, фиксирующим типичные для членов этноса «понятия», «знания», «умения», «нормы поведения»²⁰. Представляя «пограничную» зону общественного сознания (на его обыденном уровне) и бытовой культуры, эти стереотипы выполняют важную функцию в воссоздании характерных для каждого этноса свойств. Утрата (или приобретение) его членами какого-либо стереотипа-значения неизбежно влечет за собой определенное изменение этих свойств²¹. Важное место в системе стереотипов-значений занимают представления человека об окружающей нас действительности, себе самом, своих отношениях с этой действительностью и окружающими людьми, т. е. так называемые модели мира. Они, в частности, включают в себя усвоенные в процессе социализации знания и убеждения, к которым человек апеллирует как к истинным и объективным. Модели мира имеют стабильные центральные ядра, которые во многих случаях не изменяются, даже несмотря на их явную несогласованность с требованиями среды. Такие ядра формируются в основном на ранних этапах социализации, в детстве²².

В своей совокупности стереотипы-значения составляют обыденный уровень общественного сознания этноса, так сказать его общее сознание. Было бы, однако, упрощением полагать, будто оно представляет собой простую сумму индивидуального сознания членов этноса. Ведь в их обыденном сознании далеко не все является общим. Более того, свои специфические знания, понятия, умения и «значения» имеют не только отдельные индивиды, но и существующие внутри этноса социальные группы, в первую очередь классы. Классово-оценочное отношение к действительности имеет место во всех сферах общественного сознания (этических, эстетических, религиозных и т. д.). Идеология же целиком определяется классовым сознанием. Нет никаких оснований для абсолютизации единства общественного сознания этносов классово-антагонистических формаций. Но в то же время, очевидно, было бы противоположной крайностью полностью отрицать наличие определенной общности стереотипов-значений в масштабах этнических образований в целом. Впрочем, в теоретическом плане в данном случае имеет место почти полная аналогия с вопросом об общности культуры и психического склада этнических подразделений, и здесь, видимо, нет необходимости повторять соответствующие соображения.

¹⁸ См.: Брутян Г. Л. Указ. раб., с. 41.

¹⁹ Hockeff C. Chinese Vezsus English: on Exploation of the Whorfian Themes.— In: Language in Culture/Ed. Hoijer. Chicago, 1954, p. 122.

²⁰ В свою очередь небезынтересно отметить, что, например, в языке зулусов, у которых эстетическим идеалом является не угловой, а круглый стиль, есть слово «круглый», но нет слова «квадратный» (см.: Коул М., Скрибнер С. Указ. раб., с. 101—102). В свою очередь, не следует забывать, что сами особенности языка во многом обусловлены культурой в широком значении слова.

²¹ См.: Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М.: Мысль, 1965, с. 287—289.

²² См.: Иванов В. В. Роль семиотики в кибернетическом исследовании человека и коллектива.— В кн.: Логическая структура научного знания. М.: Наука, 1965, с. 75—90.

Одна из характерных особенностей общего обыденного сознания этноса — наличие в нем, как и в обыденном сознании каждого человека, слоя, сформировавшегося безотчетно-стихийно. Этот слой охватывает всю сферу приобретенных, привитых воспитанием и внушаемых в данной этнической сфере представлений, взглядов, привычек и норм поведения, слабо контролируемых или совсем не контролируемых разумом.

Следует также не забывать, что этнические особенности психики представляют собой разновидность социально-психологических явлений, основным источником которых выступают общественные связи и отношения²³. Как уже говорилось, такие особенности не сводятся лишь к наличию общих специфических черт в психике отдельных членов этноса²⁴.

Однако психика не существует вне людей, и, стало быть, конкретными носителями всех ее этнических особенностей, в том числе и «надындивидуальных», являются члены этнической общности. В силу этого особый круг проблем этнопсихологии связан с рассмотрением личности в контексте этнической (национальной) культуры. Одна из этих проблем — детерминированность этнической специфики психики индивида его принадлежностью к той или иной этнической общности, что и определяет усвоение им (в ходе социализации) присущих данной общности традиционных форм психической деятельности. Такого рода формами и обусловлено внешнее различие в поведении, реакциях людей разной этнической принадлежности по одному и тому же поводу. Горе или страдание, радость или огорчение часто неотделимы от своеобразной формы выражения, в какой такие чувства переживаются членами различных этнических групп. Эти формы представляются самопроизвольными, ибо они стихийно воспринимаются от старших поколений как естественные образцы поведения и выражений эмоций, которым невольно следуют во всех соответствующих ситуациях. Не следует, разумеется, думать, что подобные этнопсихологические различия, не осознаются, о чем совершенно справедливо говорит в обсуждаемой статье А. Ф. Дашдамиров.

Установление существенной роли культурной среды в формировании этнических особенностей психики неизбежно подводит к вопросу: является ли эта среда единственным источником указанных особенностей? Иначе говоря, сводится ли этнопсихология лишь к изучению социокультурных факторов? В ходе настоящей дискуссии на этот вопрос уже даны два различных ответа. В одном случае этническая психология рассматривается «как производное от культуры, и даже часть культуры» (при этом высказывается мнение, что сторонникам иной точки зрения грозит «скатиться на расистские позиции»). Соответственно изучение этнопсихологии определяется как «задача более этнографическая, нежели психологическая»²⁵. С другой стороны, в выступлениях отдельных участников дискуссии признается также наличие не только социокультурных, но и иных факторов этнической психологии. Так, А. А. Леонтьев прямо отмечает существование «таких этнопсихологических особенностей» которые не сводимы к «общественно-психологическим процессам». При этом он подчеркивает значимость для этнопсихологии исследования психики индивида, в частности, «национальных особенностей протекания отдельных психологических процессов (например, процессов восприятия, па-

²³ См.: *Иледов А. К.* Актуальные проблемы социальной психологии. М.: Мысль, 1981, с. 54.

²⁴ Поэтому, в частности, представляется не безупречным в методологическом отношении использование при изучении национального характера концепции «типичной (или модальной) личности», предложенной американским культурным антропологом А. Кардинером. Поскольку общество, по Кардинеру, это сумма индивидов, имеющих сходную структуру личности, постольку он полагает достаточным изучить личностные черты двух-трех индивидов, чтобы судить о типичной для данного общества (этноса) личности.

²⁵ *Арутюнов С. А.* Об условности понятия «этнопсихология». — Сов. этнография, 1983, № 2, с. 83.

мяти)»²⁶. В том же ряду по существу стоит и высказанное И. С. Коном мнение, что этнопсихологические исследования «могут быть либо социокультурологическими, либо психологическими». Полагая при этом, что «первые изучают свойства общества, культуры, вторые — свойства индивидов», он рассматривает последние, как «плоть от плоти соответствующих разделов, когнитивной психологии, психологии эмоций, психофизиологии, психологии развития и т. д.»²⁷. Нетрудно заметить, что, в этом случае речь идет об изучении тех свойств психики, наличие которых обусловлено не столько социокультурными, сколько биопсихическими факторами. При этом в последнем случае имеется в виду биологическая сторона человеческой психики, которая у людей в отличие от животных представляет собой сплав биологического и социального²⁸.

Но не ведет ли признание определенной роли биопсихических факторов в этнической психологии к негативным последствиям мировоззренческого плана? Полагаю, что нет. И в этой связи представляется не лишним напомнить об одном довольно распространенном предубеждении, согласно которому признание того факта, что расовые (антропологические) признаки в отдельных случаях играют определенную роль в этническом размежевании, якобы открывает дорогу расизму. Однако при этом явно забывается тот тривиальный факт, что расизм вытекает не из самого признания расовых отличий (существование таковых бесспорно), а из представления о неравенстве рас. Аналогичным образом обстоит и с биопсихическими различиями как отдельных индивидов, так и целых популяций (народов). Само по себе признание этих различий (хотя бы абстрактно-теоретически) в аксиологическом отношении нейтрально. Негативный характер оно приобретает лишь тогда, когда на этой основе делаются выводы о неравенстве отдельных народов (и соответственно их представителей), прежде всего об интеллектуальной неполноценности одних этнических групп и превосходстве других.

У тех участников дискуссии, которые говорят о существовании таких «этнопсихологических особенностей», которые не сводимы к «общественно-психологическим процессам» или указывают на особое значение в разработке проблем этнической психологии «соответствующих разделов когнитивной психологии, психологии эмоций, психофизиологии» и т. п., наличие биопсихологического аспекта этнопсихологических исследований, очевидно, не вызывает особых сомнений. Но в ходе дискуссии, как уже нами отмечалось, выявилась и иная точка зрения по данному вопросу: склонность рассматривать этнопсихологию как явление почти исключительно «производное от культуры». Вопрос, однако, не столь уже прост. И в этой связи позволю себе, в частности, сослаться на признание рядом исследователей существования определенных различий между представителями отдельных этнических общностей в глубине и скорости реакций на важнейшие жизненные ситуации, преобладания у отдельных народов сангвинического темперамента (например, у японцев), а у других — холерического (например, у итальянцев), наличие у представителей разных культур различного восприятия цвета, в какой-то мере детерминированных физиологическими особенностями людей, и т. п.²⁹ Конечно, справедливы ставшие уже модой сетоования по поводу того, что психология народов остается еще слабо изученной на эмпирическом уровне, прежде всего экспериментально-психологическими методами. Однако отсюда отнюдь не следует, что в этой ситуации излишни теоретические споры (подобные данной дискуссии). Ведь именно теория прокладывает путь конкретно-эмпирическим исследованиям (иначе они превращаются в «слепой» поиск). Более того, если теоретически не обоснованна правомерность изучения биопсихологических

²⁶ Леонтьев А. А. Национальная психология и этнопсихология. — Сов. этнография, 1983, № 2, с. 80—81.

²⁷ Кон И. С. Нужна помощь психологов. — Сов. этнография, 1983, № 3, с. 77.

²⁸ См.: Дубровский Д. И. Проблема «психика и мозг» в свете категорий социального и биологического. — Вопросы философии, 1982, № 5, с. 66—67.

²⁹ Подробнее см.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, с. 154—156.

аспектов обсуждаемой проблемы, то неизбежно эмпирическое их исследование будет тормозиться опасением «скатиться на расистские позиции».

Не последнее место в рассматриваемом случае принадлежит также теоретической разработке соответствующего понятийного аппарата. О том, что прежде всего еще недостаточно «устоялось» само понятие «этнопсихология» опять-таки достаточно наглядно свидетельствует данная дискуссия. Так, в одном из выступлений собственно этнопсихологией (или этнопсихологией в узком смысле слова) предлагается именовать исследования соответствующих психических процессов в отличие от социокультурных³⁰. В другом — предлагается различать национальную психологию и этнопсихологию³¹. Да и в самой обсуждаемой статье А. Ф. Дашдамирова национальная и этническая психология, подобно терминам «национальный» и «этнический» — обычно употребляются как синонимы. Между тем в публикации на страницах этнографического издания, видимо, не лишне учитывать, что в нашей этнографической науке в настоящее время преобладающим является употребление понятия «этническая общность» в качестве «родового» для обозначения таких общностей людей как племя, народность и нация. Очевидно, что если принять это представление, то само собой разумеющимся окажется рассмотрение «национальной психологии» (т. е. изучения психических особенностей национальных общностей) в качестве одной из разновидностей «этнической психологии» (т. е. изучения психических особенностей всех видов этнических общностей).

Итак, в свете всего сказанного представляется очевидным, что структура этнической психологии как научной дисциплины, предметную область которой составляет изучение психических особенностей этнических общностей, должна включать и социокультурное и биопсихическое направления исследований. Первое из них в той или иной мере связано прежде всего с такими дисциплинами, как этнография, социология, этносоциология, социальная психология в узком значении данного термина. Второе направление, видимо, в первую очередь, относится к тем разделам психологической науки (психологии восприятия, памяти, эмоций и т. п.), которые у нас в своей совокупности обычно включаются в так называемую «общую психологию», предметная область которой, впрочем, остается все еще весьма расплывчатой. В ходе дискуссии особенно подчеркивалась необходимость активизации этнопсихологических исследований именно этого направления. Такая позиция вполне уместна, учитывая, что оно в данной области пока явно представляет отстающий фланг. И все же вряд ли при этом следует делать акцент на самостоятельном, обособленном развитии подобного рода исследований. Полагаю, что гораздо важнее единение биопсихологического и социокультурного аспектов этнопсихологии, «наступление» на ее предметную область как бы с двух сторон, притом с широким использованием инструментария не только социокультурного комплекса дисциплин, но и общей психологии. Ведь в рассматриваемом случае мы имеем дело фактически с единым предметом исследования — психологическими особенностями этнических общностей и само выделение указанных аспектов их изучения весьма условно. Тесное единение этих исследовательских подходов представляется тем более оправданным, что биологическое в человеческой психике теснейшим образом переплетено с социальным, неизбежно проявляясь, как правило, сквозь его «фильтр». И в этом смысле основная часть, если не все разделы общей психологии человека социальны. Впрочем, при этом следует иметь в виду, что и сам термин «социальный» в нашем обществоведении употребляется по крайней мере в двух аспектах: в широком и в узком³². Соответственно и социальная психология может трактоваться в широком и узком значении, что

³⁰ Кон #. С. Указ. раб., с. 76.

³¹ Леонтьев А. А. Указ. раб., с. 81—82.

³² См., напр.: Методологические проблемы общественных наук. М.: Наука, 1979, с. 98—99.

подмечено, в частности, в выступлении А. А. Леонтьева. При этом, явно отдавая предпочтение узкому значению данного термина и к тому же несколько своеобразно трактуя значение этнопсихологии, он видит ее основную линию развития в лоне общей психологии. Впрочем, если придерживаться той интерпретации этнопсихологии, которая была нами предложена выше, то (при условии узкого понимания социальной психологии) этническую психологию скорее следует поместить на стыке двух психологических дисциплин: социальной и общей психологии. Это с одной стороны. А с другой — она окажется в предметной зоне тех социокультурных дисциплин, которые исследуют этническую проблематику, т. е. прежде всего этнографии и этносоциологии. При широкой же трактовке социальной психологии этнопсихология целиком окажется ее субдисциплиной и одновременно субдисциплиной только что упомянутого круга наук, основной задачей которых является изучение этнических явлений в целом.

И. С. Кон

НУЖНА ПОМОЩЬ ПСИХОЛОГОВ

Статья А. Ф. Дашдамирова, на мой взгляд, совершенно правильно подчеркивает большое научно-теоретическое и политико-идеологическое значение национальных особенностей психики и указывает ряд возможных направлений их исследования. 10 лет назад Ю. В. Бромлей писал, что этнопсихологические исследования у нас продолжают оставаться в эмбриональном состоянии. С тех пор в этой области наметились определенные сдвиги; особенно важно то, что наряду с теоретическими изысканиями и обзорными работами появляются и эмпирические исследования. Однако здесь есть большие методические трудности, на которые *я* хотел бы обратить внимание.

Прежде всего, в рассуждениях о национальных особенностях психики часто нарушается логика исследования. Вместо того чтобы начинать с постановки четких содержательных *вопросов* и формулирования *гипотез—существуют* ли психологические различия между народами, в чем именно, каковы их индикаторы, возможные методы измерения и т. п., мы продолжаем старые споры об определении таких понятий, как национальный характер, психический склад, этническое самосознание и т. д. Разумеется, определение терминов весьма важно, но научные понятия имеют смысл только в рамках некоторой теории, ориентированной на определенную постановку вопросов. Многолетний опыт нашей науки показывает, что дискуссии, начинавшиеся с содержательных вопросов, всегда были более плодотворными, нежели те, которые вращались вокруг определений.

Далее следует сказать о проблемах соотношения *описания* и *объяснения*. Вместо того чтобы начинать с констатации фактов, проверки наличия тех или иных этнических различий, мы сплошь и рядом начинаем с теоретических споров о том, являются ли эти (предполагаемые, иногда даже мнимые!) различия и свойства природными или социально-историческими, постоянными или изменчивыми, полезными или вредными и т. д. Причем этим предположительным явлениям дается в основном генетическое объяснение, апеллирующее к их происхождению и истокам. Но, как известно, это вовсе не единственная и уж, во всяком случае, не самая простая форма научного объяснения.

Над учеными-непсихологами, занимающимися проблемами национального характера и т. п., часто довлеет житейское представление, что народы, как и индивиды, обладают набором устойчивых качеств, «черт», которые можно измерять и сравнивать более или менее самостоятельно. Тайная «голубая» мечта—составить на каждый народ нечто вроде пси-